

Ярмарка в Плуnderсвейлерне. Иоганн Вольфганг Гёте

Машкерадное действо

Шарлатан

По всей стране разнесу я весть,
Что в Плуnderсвейлерне доктор есть, Высокоученый человек,
Который не топиг своих коллег.
За разрешенье — спасибо вам!
Надеюсь, и вы заглянете к нам,
Когда мы сегодня ломаться будем,
На поучение добрым людям.

Посмеетесь и вы веселым шуткам;
Играешь не сердцем, так желудком.

Доктор

Да снизойдет на вас сегодня
Градом платков благодать господня!
Вам верная прибыль дается в руки.
Ведь я же знаю секрет науки:
Когда добиться нельзя поправки,
Надежда лучше, чем все пиявки;
И даже если совсем уж худо,
С переменой врача наступает чудо.
Какая нынче у вас комедия?

Шарлатан

Сударь, у нас идет трагедия,
Вся на сладких речах и строгой морали, Сквернословье и ругань мы изгнали,
С тех пор как всюду видим пример
Безукоризненных манер.

Доктор

Боюсь, что зрителей ждет зевота!

Шарлатан

Вот шут у меня хворает что-то.
Уж этот, наверно бы, вас развлек,
Потому что, я вижу, вы — знаток.
Да только у нас не в чести потеха:
Публика нынче стыдится смеха.
А нравственный стих и пышную фразу

Везде и всюду оценят сразу.

Потому что, кто смотрит, тот убежден: И я, мол, могу быть таким, как он!

А выйди мы к ним с такими речами,

К которым они привыкли сами,

То всякий бы тут же крикнул нам:

Что за бесстыдство и что за срам!

Мы хотим угодить честному люду,

Поэтому лжем и льстим повсюду.

Доктор

Невеселый труд, сказать неложно!

Шарлатан

Говорят, характер испортить можно,

Если в притворстве искать барыши,

Говорить и писать от чужой души,

И что этак, мол, однажды начав,

Можно вконец исказить свой нрав.

Но — ах! — нередко мы хохочем,

Меж тем как в сердце слезы точим,

Швыряем тысячи пистолей,

А из сапог торчат мозоли.

Герои наши обычно робки,

Иной кутила не нюхал пробки.

Бываешь изверг и злодей,

А сам — честнейший из людей.

Доктор

Роль никого не обесславит.

Шарлатан

А свет в вину нам это ставит.

Смотрите, в жизненных делах

Все так разумны, что просто страх;

Умеют всюду приспособи?ться,

Где — приподняться, где — приспустить, И достигают этим наживы.

А мы от голода чуть живы.

Доктор

Так ваши актеры — народ почтенный?

Шарлатан

Талант у них необыкновенный,

И при хороших своих манерах

Они не плошают и в высших сферах.

Доктор

А ссоры случаются иногда?

Шарлатан

Ну, это еще не такая беда.

Они не всегда умеют ладить,

Рады друг другу порой подгадить.

Я сторонюсь их военных планов;

У них, что ни день, перемена станов.

Не надо только терять терпенье.

Вот с перевозкой бывает мученье.

Я с вами прощусь, мне недосуг.

Доктор

Ну, до свидания, старый друг!

Слуга

Наша барышня вам поклоны шлют

И просят зайти, коли вам не в труд, К госпоже исправнице вместе с нею,

Как пойдете смотреть скоморошью затею.

Поднимается второй занавес, видна вся ярмарка. В глубине — подмостки шарлатана, налево — беседка перед исправничьим домом, в ней — стол и стулья. Во время музыки все перемещивается, но в таком порядке, что действующие лица встречаются на авансцене и затем теряются в глубине, уступая место другим.

Тиролоец

Кто что берет, кто что берет?

Есть всяческий товар!

Шесть крейцеров — пустой расход,

Задаром в руки вещь плывет.

Кто что берет, кто что берет?

Есть всяческий товар!

Крестьянин задевает тирольца метлами и опрокидывает его товар. Между ними происходит спор, во время которого мальчик с сурком ворует разбросанные вещи.

Крестьянин

Метлы кому, метлы кому?

Густые, пушистые,

Отборные, чистые,

Бурые, белые, золотистые,

Прямо из рощи нарезал, привез;

Подметать полы, убирать навоз.

Из свежих берез, из свежих берез!

Ярмарка продолжается.

Нюрнбержец

Покупайте, ребята,

Продаю вразнос!

Бот поросята,

А вот барбос.

Трубы, барабаны,

Кони, шарабаны,

Кегли, бирюльки,

Ларчики, свистульки,

Лодочки, люльки,

Скакун с гусаром,

Почти что даром.

Заплочено, взято!

Покупайте, ребята!

Барышня

Все так кричат, что больно слушать.

Доктор

Им надо кушать.

Тиролька

Угодно посмотреть новинки?

Барышня

А что у вас?

Тиролька

Есть ленточки на все цвета,

Легчайшие косынки —

Просто мечта.

Прелестные чепчики, выбирайте любой.

Вот веера, полюбуйтесь резьбой.

Какая красота!

Доктор во время осмотра товара заигрывает с тиролькой и делается все настойчивее.

Не всегда

Так просто с молодой девицей

Бывает, господа:

Чуть станет вольничать дружок,

Улитка мигом в свой домок

И так ему...

(Мажет доктора по губам.)

Коломазчик

Вот! Вот!

Коломазь, что мед!

Чтобы ось не скрипела,

Чтоб телега не пела.

И-а! И-а!

Вот мой осел и я!

Экономка с патером пробираются сквозь толпу, он останавливается у пряничницы. Экономка недовольна.

Экономка

Вон доктор с барышней, оглянитесь.

Ну, господин патер, поторопитесь!

Пряничница

Ха-ха-ха!

Купите пряников, нет греха!

Лучшая сладость, вкусна, хороша,

Съешь на два гроша,

Веселеет душа.

С перцем! Ха-ха-ха!

Экономка

Господин патер, что же вы, ну?

Или вы у нее в плену?

Патер

Как вам угодно.

Цыганский атаман с молодым цыганом.

Цыганский атаман

Ветошь и рвань,

Куда ни глянь!

Молодой цыган

Ах, пистолеты!

Были б монеты!

Цыганский атаман

Не стоят ни черта!

Дурацкие рожи

Продают, что негоже,

Галдят все вместе,

Тысяча бестий!

Хари, детишки,

Коты, мартышки!

Я всю их котому

И даром не возьму!

Эх, кабы мне на них!..

Молодой цыган

Вот уж мы бы их!

Цыганский атаман

Дали бы взащей!

Молодой цыган

Пощелкали бы вшей!

Цыганский атаман

С десятком молодцов

Обчистил бы всех купцов!

Молодой цыган

И стоило б того.

Барышня

Сударыня, вы извините...

Исправница

(выходит из дверей)

Прошу, войдите.

Мы очень и очень рады вам.

Доктор

Вот уж сегодня шум и гам!

Входит певец с женой и вывешивает картинку. Собирается народ.

Певец

Любезный христианский люд,

Когда ж мы лучше станем?

Иначе нас тревоги ждут,

В пучину бед мы канем.

Порок — причина всяких зол.

Счастлив, кто праведность обрел:

Она лежит пред вами.

Дальнейшие стихи — по желанию.

Исправник

Он дельно поет.

Мальчик с сурком

Я ходил по всей стране

Avecqe la marmotte[1],

И всюду есть давали мне

Avecqe la marmotte,

Avecqe si, avecqe la,

Avecqe la marmotte.

Я видел множество господ,

Avecqe la marmotte,

Которых к девицам влечет,

Avecqe la marmotte,

Avecqe si, avecqe la,

Avecqe la marmotte.

И видел многих девиц я,

Avecqe la marmotte,

Взиравших с лаской на меня,

Avecqe la marmotte,

Avecqe si, avecqe la,

Avecqe la marmotte.

Нельзя же так нас отпустить,

Avecqe la marmotte,

Мальчишки любят есть и пить,

Avecqe la marmotte,

Avecqe si, avecqe la,

Avecqe la marmotte.

Зрители бросают мальчикам мелкие деньги; мальчик с сурком подбирает все.

Мальчик с цитрой

Ай! Ай! Мой крейцер!

Он у меня мой крейцер отнял!

Мальчик с сурком

Неправда, это мой.

Борются. Мальчик с сурком побеждает. Мальчик с цитрой плачет.

Музыка.

Щикальщик

(одетый шутом, на подмостках)

Дозвольте просить разрешенья

Начать представленье?

Цыганский атаман

Посмотри на эту ораву.

Бегут покупать отраву!

Продавец свиней

Гоните свиней домой!

Продавец быков

Быков, не спеша, на водопой!

Мы придем погодя.

Приятель, идем на заезжий двор,

Выпьем. За стадом есть призор.

Шут

Вы небось думаете, я шут?

На мне ворот его, штаны, рукава;

Будь на мне его голова,

Был бы сам шут перед вами тут.

А похож, господа?

Такая же борода!

Вот, не угодно ли вам

Эликсир, бальзам?

Ведь я не менее шута

Любитель омочить уста.

Тащи платок!

Шарлатан

Много не наудишь, рано еще.

Уважаемые дамы и господа,

Вы пожаловали сюда

На трагическое представление.

Еще мгновение,—

Занавес взвьется

И спектакль начнется.

Это — история

Эсфири в лицах.

Лучший из самоновейших образцов:

Сплошная жуть и скрежет зубов.

Одно обидно,

Что солнце видно;

Лучше было б совсем темно;

Свеч у нас много запасено.

Занавес поднимается. В стороне виден трон, а в отдалении виселица.

Музыка.

Кесарь Агасфер. Аман.

Аман

(один)

Ты, что и день и ночь меня огнем сжигаешь, Объемлешь мысль мою и шаг мой направляешь, О месть, не отврати десницы от раба

В последний этот миг! Решается судьба.

Что мне высокий блеск, главу мою повивший?

Что мне счастливый ветер, все дни мои жививший, И то, что целый мир я зрю у этих ног, Когда единого я ввергнуть в прах не мог?

Что толку вознестись славней, чем всякий прочий, Когда мне иудей смотреть дерзает в очи?

Хотя бы у него был пращур Авраам,

Пусть помнит нашу мощь и сокрушенный храм!

И как Ерусалим лежит, во прахе тлея, Так я сломлю их род, и первым Мардохея!

О, лишь бы Агасфер взъяриться захотел!

Но — ах! — для кесаря он слишком мягкотел.

Агасфер

(входит и говорит)

Как? Это ты, Аман?

Аман

Я здесь давно, владыка.

Агасфер

Нельзя ж так мало спать, мне это даже дико.

(Садится.)

Аман

Великий государь, раз ты, я вижу сам, И ныне, как всегда, ступаешь по цветам, Сколь громкую богам должны вознесть мы славу

За твой счастливый дар легко нести державу!

Тебе несчетные не в тягость племена, Какая мощь тебе всевышними дана!

Так горную главу дубравы не тревожат, Когда свой буйный рост на ней без счета множат.

Агасфер

Да, я всевышними избавлен от забот.

Так жил и царствовал из века в век мой род.

Никто из нас трудом не расширял владений

И не сходил во гроб от лишних треволнений.

Аман

Сколь тяжкой, государь, охвачен я тоской, Что нынче вынужден нарушить твой покой!

Агасфер

Извольте говорить, но коротко и ясно.

Аман

Как возвестить царю о том, что так ужасно?

Агасфер

А что?

Аман

Израильский ты ведаешь народ: Лишь бога своего владыкой он зовет.

Ты дал ему простор по всей стране плодиться

И по обычаю своих отцов кормиться;

Ты сам их бог, с тех пор как прежний их забыл

И город их и храм огнем испепелил.

И все ж они в тебе спасителя не видят, Хулят твоих богов и скипетр ненавидят.

Их счастьем соблазнен, твой подданный готов

Взирать с сомнением на собственных богов.

Вели издать закон, дабы держать их в страхе, А непослушливых предай огню и плахе.

Агасфер

Мой друг, хвалю тебя, ты верный раб царю, Но только иначе на это я смотрю.

Не все ли мне равно, что у кого за боги, Раз люди не шумят и платят мне налоги?

Аман

Да, вседержавнейший, ты царством правишь сам, Высокой милостью подобен ты богам!

Но я не все сказал: по иудейской вере

Грабеж не у своих дозволен в полной мере; На подданных твоих простерта их рука.

Не медли, государь, опасность велика.

Агасфер

Но как же этак вдруг такой бы случай вышел?

Я что-то про разбой и грабежи не слышал.

Аман

Я, в сущности, веду и не об этом речь: Корыстен иудей, но рад себя беречь.

Он с полной легкостью, под безопасной кровлей, Умеет богатеть и ростом и торговлей.

Агасфер

Мой друг, я сам не слеп. Но много ль в этом зла?

У необрезанных такие же дела.

Аман

Все это можно бы и вытерпеть, с привычкой; Но деньгами они владеют, как отмычкой, И в сердце ближнего читают, как в своем.

У них для всякого особый есть прием.

Там ссудой оплетут, тут связывает мена; Кто раз запутался, не вылезет из плена.

Притом и с женами считаться мы должны: Те вечно без гроша, а деньги им нужны.

Агасфер

Ха-ха! Вот рассмешил! Едва собой владею.

Иль ты свою жену ревнуешь к иудею?

Аман

О нет, всесильнейший. Но басенка права: Кто правит женами, тот и мужьям глава.

И подлый сей парод, орудя лукаво,

Скупает должности, и собственность, и право.

Агасфер

Ты заблуждаешься, милейший! Что за вздор!

Хозяином всему лишь я был до сих пор.

Аман

Я это знаю сам: с тобой никто не схож; Но много есть князей и всяческих вельмож, Которым тягостно под властью твоею.

Они горды собой, но все в долгах по шею.

Поэтому, о царь, выходит, что они

Так или иначе Израилю сродни,

А этот хитрый род на все дурное падок: Ему не по себе, пока в стране порядок, И всюду тайных смут растит он семена.

Тут не оглянешься, как вспыхнет вся страна.

Агасфер

Милейший, это все уже не раз бывало, Но наше счастье всегда торжествовало: Мы высылаем рать на поприще побед,

А сами здесь сидим, так что войны и нет.

Аман

Мятеж, пылающий недолгие мгновенья, Недолго и смирить посредством разуменья; Но если золотом и злобой вскормлен он, То может наконец заколебаться трон.

Агасфер

Ну, этот будет цел, пока я восседаю!

Все знают, как на нем громами я сверкаю.

Помост из золота, из мрамора столпы.

Он простоит века дивилищем толпы.

Аман

Увы мне! Ах, зачем всю правду знать ты хочешь?

Агасфер

Выкладывай скорей! Что ты меня морочишь?

Я от таких бесед, признаться, устаю.

Аман

О царь, они на жизнь умыслили твою.

Агасфер

(содрогаясь)

Как? Что ты?

Аман

Я сказал. Излейте же, о пени!

Где муж, у коего не задрожат колени?

В гееннской пропасти задуман черный ков, И укрывает ночь преступных смельчаков.

Тебя не оградит ни скипетр, ни корона: Лишишься царства ты, лишишься Вавилона!

В убийственной ночи изменнический меч

Нить твоего бытия готовится пресечь; Кровь, за которую лилось так много крови, Прольется на виссон монарших изголовий.

Стон воет во дворце, стон в дальних городах.

И тем, кто был тебе привержен, — стон и страх!

Твой драгоценный труп, как падаль, вон выносят, А верных слуг твоих сплеча рядами косят!

Затем, чтоб схоронить постыдные дела.

Убийство, утолясь, сжигает все дотла.

Агасфер

О, горе, что со мной? Мне дурно, худо мне!

Я, кажется, умру! Поди, скажи жене!

Я трепещу, как лист, на шее словно камень, На лбу холодный пот! Я вижу кровь и пламень.

Аман

Мужайся, царь!

Агасфер

Ах, ах!

Аман

Конечно, грозен час, Но стража верная, как прежде, есть у нас.

Первейшего слугу узнаешь ты по рвению.

Агасфер

Чего ж вы медлите? Предайте их сожжению!

Аман

Зачем же так спешить? Тут нужен глаз да глаз.

Агасфер

Меж тем они меня зарежут двадцать раз.

Аман

О нет, их происки мы вовремя заметим.

Агасфер

А я-то мирно жил и верил им, как детям!

Меня хотят убить! Как эта мысль гнетет!

Аман

А мертвый человек не кушает, не пьет.

Агасфер

Мне даже трудно казнь придумать этим гадам!

Аман

Так рано, государь, почить с отцами рядом!

Агасфер

ТЬфу! тьфу! Могила мне тошнее всех смертей!

Ах, мой достойный друг! Ну, вот я стал бодрей, Теперь пусть ужасы мой гнев вселенной явит!

Наставить виселиц! Пусть десять тысяч ставят.

Аман

(падая на колени)

Непобедимейший! Молю тебя, умаль!

Ведь жаль стольких людей, и леса тоже жаль.

Агасфер

Встань! Ты велик душой и, как никто, беззлобен; Ты даже за врагов меня просить способен.

Встань! Ты бы что хотел?

Аман

Хоть много злых людей

Меж ними сыщется, не всякий же злодей, И от невинных жертв твой меч да отвертится!

Пусть наказует царь, но не как тигр ярится, Тысячелопое страшилище мертво,

Когда мы головы отрубим у него.

Агасфер

Ну, ладно! Вешайте без лишних церемоний!

Так кесарь повелел, так сказано в законе.

А кто они, скажи?

Аман

Еще не знаю сам.

Но правильной всего пройтись по богачам.

Агасфер

О, я не пощажу проклятого отродья!

Тебе же я дарю их дома и угожья.

Аман

Печальный дар!

Агасфер

Кого б назвал ты всех скорей?

Аман

Всех хуже Мардохей, царицын лейб-еврей.

Агасфер

Тогда и двух минут покоя мне не будет!

Аман

Когда он будет мертв, она его забудет.

Агасфер

Ну, вешай, а Эсфирь пускать не смей сюда.

Аман

Она и не войдет без зова никогда.

Агасфер

Эх, виселицы нет! Давно бы был удушен!

Аман

Великий государь, глаголь уже поставлен.

Агасфер

И больше приставать ко мне не смейте вы.

Решенье принято, и вон из головы.

(Уходит.)

Шут

Сейчас был разыгран первый акт.

За ним второй представлен будет.

Шарлатан

Дорогие друзья, добрые люди,

В том, что, заботою влеком

О вашем здравии плотском

И долгоденствии, пешком

Я из далекой пришел страны,

Вы все, конечно, убеждены.

В моем искусстве, господа,

Вы можете каждый без труда

Удостовериться наглядно;

Притом же это не накладно,

Не стану показывать вам аттестатов

Императрицы народа русского,

Фридриха, короля Прусского,

И прочих европейских потентатов;

К чему кичиться своими делами?

Иные врачи, вы знаете сами,

На деле оказывались хвастунами.

Чтобы вы не думали, что и я таков,

Я покажу вам, без лишних слов,

Пакетик с лекарствами; хоть он и мал, Ему не требуется похвал.

Против каких он служит болезней,

Прочесть по-печатному всего полезней; А содержит в себе этот пакет

Слабительное, которого лучше нет,

Зубной порошок тончайшего вкуса

И кольцо, помогающее от флюса.

Цена — один батцен, не поверит никто: Придет нужда, отдал бы сто.

Шут

Тащи платок!

Зрители покупают у шарлатана.

Молочница

Купите яиц!

Купите молока!

Первый сорт,

Цена не высока,

Свеже?й не снится и во сне!

Цыганский атаман

А эта девчонка недурна лицом,

Я бы к ней подъехал с оловянным кольцом.

Молодой цыган

Авось она не так строга!

Цыганский атаман

Сперва хозяин, потом слуга.

Оба

Почем у тебя яйца?

Молочница

Алтын три шуки, как полагается.

Оба

Пусть будет по твоей цене.

Она вырывается от них.

Молочница

Купите яиц!

Купите молока!

Оба

(ловят ее)

Ну и девица!

До чего дика!

Молочница

Вот привязались

Два чудака!

Купите яиц,

Купите молока!

Тогда вы оба любы мне.

Доктор

Ну, как вам понравилась драма?

Исправник

Скандальная вещь, скажу вам прямо.

Я велел просить антрепренера

Соблюдать пристойность разговора.

Доктор

И какой же последовал ответ?

Исправник

Что дальше ничего такого нет

И Аман в заключение будет повешен,

Чтобы зритель был устрaшен и утешен.

Шут

Тащи платок!

Шарлатан

Прошу не расходиться собрание честное!

Начинается действие второе.

Тем временем обдумайте на покое,

Не купит ли кто повторной дозы.

Шут

Берегитесь! У многих выступят слезы.

МУЗЫКА.

Входят Эсфирь и Мардохей.

Мардохей

(плача и всхлипывая)

О, бедственный удел! О, гнусный произвол!

О, скорбь, которую поведать я пришел!

Сколь жалким пред тобой я предстаю, царица!

Эсфирь

Ты толком расскажи, а плакать не годится.

Мардохей

Хю-хю, моя душа, хю-хю, дрожит в груди!

Эсфирь

Ступай, поплачь сперва, потом опять приди.

Мардохей

Хю-хю, во мне весь дух, хю-хю, весь перевернут.

Эсфирь

Да чем же?

Мардохей

У-ху-ху, меня сегодня вздернут!

Эсфирь

Да что ты, милый друг! Да ты откуда взял?

Мардохей

Не все ль тебе равно? Ведь я не зря сказал: Кто может в счастья свою удачу славить?

Кто может на скале надежный дом поставить?

Я ль не был милостью твоею огражден?

И вот я трепещу, к отверженцам причтен!

Эсфирь

Кому же может быть нужда в твоей особе?

Мардохей

Меня гордец Аман оговорил по злобе.

И если ты сейчас, за жизнь мою моля, Не поспешишь к царю, я кончен, мне петля.

Эсфирь

Мой милый, я всегда помочь тебе готова, Но пред лицо царя никто не вхож без зова.

И если кто к нему непрошенный проник, Ты знаешь сам, — тот мертв! Ты пошутил, старик.

Мардохей

О несравненная, тебе-то нет заботы: Никто не устоит, узрев твои красоты.

А ежели закон наворотил угроз,

Так это, чтоб к царю не все совали нос.

Эсфирь

Пусть не казнят меня, но, друг мой, и доныне

Все помнят хорошо падение Астини.

Мардохей

Ужели же тебе не дороги друзья?

Эсфирь

Какая польза в том? Погибнем ты и я.

Мардохей

Спаси мой старый век, семейство, честь и злато!

Эсфирь

И рада бы душой, да только страшновато.

Мардохей

Я вижу — я стучусь в бесчувственную дверь.

Так вот, как ты меня благодаришь теперь!

Тебя я воспитал от самого рожденья, Наставил в тонкостях речей и обхожденья.

Ты милостей царя лишилась бы давно

И было б сердце в нем давно охлаждено, Тебя за резкий нрав сто раз бы он отставил, Когда б я не внушал тебе любовных правил.

Твое могущество возникло чрез меня

И мною держится до нынешнего дня.

Эсфирь

Да, ты мне помогал во всем, всегда и всюду, И если ты умрешь, я это не забуду.

Мардохей

О, если б умереть за край своих отцов!

Но я же гибну зря от этих подлецов.

И вот под солнышком, среди пустой равнины, Под снегом и дождем висят мои седины!

И вот, как лакомство, чтоб коротать досуг, Бродяги-вороны клюют мой сладкий тук!

И вот, иссохшие и голые, как трости, При всяком сквознячке побрякивают кости!

Страшилище другим, стыд самому себе, Хула Израилю и что, скажи, — тебе?

Эсфирь

Конечно, плач и скорбь! Но я найду уловки, Чтобы поменьше ты болтался на веревке; И, умастив твой труп, заботаюсь и любя, Я с должной честью похороню тебя.

Мардохей

Напрасно будешь ты рыдать над верным другом!

Уж он не явится, как встарь, к твоим услугам, С мощной, которую так жадно ты брала, На рынке или в зернь все промотав дотла, С жемчужной ниткою, с обновкой шелестящей: Ты узришь дух пустой, тебе, для муки вящей, Несущий видимость сокровищ и монет.

Ты хочешь их схватить, и вот уже их нет.

Эсфирь

А знаешь что, мой друг? Ты должен на прощанье

Попомнить и меня в духовном завещанье.

Мардохей

Я так и сделал бы, как дань твоей красе!

Но деньги у меня конфисковали все.

Боюсь, — и с братьями моими то же будет!

Кто на безденежье тебя деньгами ссудит?

Торговля упадет, и все те лягут в гроб, Кто контрабандою снабжал твой гардероб.

Не будут и рабынь прельщать твои новинки; Придется то носить, что есть на местном рынке.

И превратишься ты, лишенная всего,

В невольницу царя и челяди его!

Эсфирь

Зачем так говорить? Ну, как тебе не стыдно!

Когда придет беда, тогда и будет видно.

(Плача.)

И это будет так?

Мардохей

Как я сказал, точь-в-точь!

Эсфирь

Что ж делать?

Мардохей

Нас спасти!

Эсфирь

Ах, убирайся прочь!

Нет, я хотела бы...

Мардохей

Ты не договорила.

Что ты хотела бы?

Эсфирь

Чтоб все иначе было!

(Уходит.)

Мардохей

(один)

Нет, нет! На доводы здесь нечего скупиться!

Я не оставлю так, она должна решиться.

(Уходит.)

Шарлатан

Сейчас бы выйти должны акробаты,

Да стали вот дни коротковаты.

Поэтому завтра поутру

Мы здесь же продолжим нашу игру.

А кому напоследок лекарства нужны,

Тому мы уступим за полцены.

Раешник

(за сценой)

Трум, турурум!

Тарарабум!

Доктор

Позовем его, господа!

Исправник

Принесите ширму сюда.

Доктор

Потушите огни.

Мы тут в своем кругу, одни.

Не правда ль, хозяин, ведь мы же — мы?

Исправник

Честные люди не боятся тьмы.

Раешник

Трум, турурум!

Тарарабум!

Свечи долой! Только мой огонек!

А то не выйдет ничего,

Туда в темноту, mesdames[2].

Доктор

Весьма охотно.

Раешник

Трум, турурум!

Ах, какая всюду темень!

Сплошь чернота,

Неустроенна и пуста,

Не видать ни неба, ни земли.

Трум...

Рече господь — «да будет свет»,

Как он сразу хлынул в ответ!

Каким вдруг кубарем пошли

Все четыре стихии!

В шесть дней все было сотворено,

Светила, деревья и звери лесные.

Трум, турурум!

Тарарабум!

Вот стоит Адам в раю,

Вот стоит Ева и слушает змею.

Изгнаны из врат,

Волчцы и терние,

В болезнях рождают чад,

Увы!

Трум...

От нее нечестивый народ

По земле расплодился.

Раньше он был не тот!

Воспевал, молился!

Больше не верит никаким богам,

Поношение и срам!

Вот дамы и кавалеры

Подают дурные примеры!

Предаются увеселенью

Под всякой зеленой тенью,

На всяком зеленом ложе.

Доколе, господи боже?

Трум, турурум!

Тарарабум!

Хлынул всемирный потоп;

Жалостный вопль всех этих особ;

Тонут в глубокой воде,

Нет спасенья нигде!

Трум...

И вот, смотрите, по лазури

Стремглав несется Меркурий.

Ужасной беде полагает конец.

Слава тебе, всеблагой творец!

Трум, турурум!

Тарарабум!

Доктор

Ну, мы-то спаслись бы вместе с Ноем!

Барышня

Пора идти.

Исправник

Завтра что-нибудь снова устроим?

Экономка

Кажется, уж насмотрелись всего!

Доктор

Довлеет дневи злоба его.

Раешник

Трум, турурум!

Тарарабум!

Комментарии

Фарс написан в 1773 году, напечатан в 1774-м в сборнике маленьких пьес под названием «Новооткрытое нравственно-политическое действие», включавшем «Земную жизнь художника» (т. 1), «Ярмарку в Плундерсвейлерне» и не вошедшее в настоящее Собрание сочинений «Масленичное действие о патере Брее». Начинаясь сборник «Прологом», написанным в духе вступительной речи к ярмарочному кукольному представлению, но весьма злободневному по смыслу, говорящему о всех сословиях современного общества. «Ярмарка в Плундерсвейлерне» была переработана в 1778 году и поставлена в любительском исполнении в Эттерсбурге, летней резиденции веймарской герцогини-матери Анны-Амалии. Музыка для спектакля сочинила сама Анна-Амалия; роли Шарлатана, Амана и Мардохея исполнял Гете; Эсфирь играла Корона Щретер.

Подзаголовок фарса переведен М. Л. Лозинским как «маскерадное (маскарадное) действие» — стилизация в духе языка XVII–XVIII веков, когда именно так назывались в России подобные представления.

Образ ярмарки очень давно становится в литературе аллегорией суетной мирской жизни. Особенно популярным стал этот образ благодаря английскому писателю Джону Беньяну (1628–1688), в романе которого «Путь паломника» есть поразительная сатирическая картина «Ярмарки суеты» (в других переводах — «Ярмарка тщеславия»). Ярмарка часто выступает в качестве символа в немецком театре XVII века, на что указывает уже упомянутый «Пролог». То, что там декларировано, в самом фарсе раскрыто в живых образах, представленных в традициях народного театра. Как и в других фарсах, Гете наполняет все речи злободневными намеками, часть которых не поддается расшифровке.

Плундерсвейлерн. — Название городка придумано Гете; «Плундер» — по-немецки «хлам», «дрянь».

За разрешенье — спасибо вам! — Для того чтобы давать представления, требовалось получить разрешение властей. Доктор раздобыл его для Шарлатана.

Да снизойдет на вас сегодня // Градом платков благодать господня! — Ярмарочные представления давались на площади, всякий мог их смотреть, и зрители бросали плату за спектакль, завернув монеты в платок.

...У нас не в чести потеха: // Публика нынче стыдится, смеха. — В начале XVIII в. Иоганн Кристоф Готшед (1700–1766) в «Опыте критической поэтики для немцев» (1730) провозгласил принципы реформы немецкого театра. Он выступил как против аристократической драмы, так и против народного театра, в особенности требуя изгнания со сцены неизменного участника представлений — шута Гансворста. Фарсы Гете выражали стремление возродить традиции народного площадного театра, речь об утрате веселья имеет именно этот смысл и ратует за возрождение шутовства на сцене.

Тиролоец. — На ярмарке собрались приезжие из разных мест: тиролоец и тиролька, нюрнбержец; пришли сюда в представители разных профессий: коломазчик — смазывает оси колес дегтем; щикальщик — его специальность снимать нагар со свечей.

Мальчик с сурком. — Дрессированный сурок обычно плясал под музыку. Песня мальчика с сурком была положена на музыку Бетховеном и приобрела самостоятельную популярность, независимо от фарса Гете.

Такая же борода! — Шуты на площадной сцене выступали в маске с бородой.

Это — история // Эсфири в лицах. — Библейская история Эсфири — образец древнего «романа» — пользовалась большой популярностью и неоднократно обрабатывалась для сцены. Самая знаменитая трагедия на этот сюжет — «Эсфирь» Расина (1689). Гете, однако, пародирует не его пьесу, а «трагедию» Ганса Сакса. В первом варианте «Ярмарки» персонажи этой «пьесы в пьесе» были сатирически заострены против определенных лиц, в окончательном тексте Гете это сгладил.

...И прочих европейских потентатов... — Потентат (лат.) — властитель.

Свечи долой! Только мой огонек! — Раешник показывает картины посредством волшебного фонаря, изобретенного в XVIII в.

А. Аникст

Примечания

1 С сурком (франц.).

2 Сударыни (франц.).